

В чем смысл жизни?

Алексей Буров

Предлагаемое размышление написано по следам [разговора с философом Андреем Баумейстером](#) и ответов на многочисленные вопросы в комментах на его канале. Беседа была импровизированной; не всё удалось сказать за час отведенного времени, не все мысли были закончены. Поэтому мне захотелось дополнить беседу текстом. Написан он от первого лица: это мой внутренний собеседник, с которым я разделяю идеи, но не обязательно личные качества.

Вопрос о смысле жизни дискредитирован в общественном сознании так, как мало какой иной. Обычно он считается бессмысленным, неприличным, глупым, неполиткорректным, давно решенным, нерешаемым, банальным, избочивающим безграмотность и так далее. Автор же этого сочинения относится к обозначенному вопросу с предельной серьезностью: это личный вопрос, задаваемый прежде всего для себя. В первую очередь меня интересует именно мой смысл жизни. Публикую же эти размышления потому, что предполагаю, что не только мне они могут оказаться полезными.

Разумеется, всякий момент жизни может быть прожит просто по инерции, следуя чувствам, желаниям, привычкам и порывам. Но при всей инерции жизни, я все же спрашиваю себя, а куда, зачем, ради чего я стремлюсь и туда ли стремлюсь вообще? Этот вопрос требует ответа, отсутствие которого создает внутреннюю пустоту, чувство бестолковости, бессмысленности и парализующее нежелание делать хоть что-нибудь. И я знаю, что снимать этот паралич спиртным, сном, переключением внимания можно, но это неправильно, нечестно и глупо.

Ответ должен быть дан. Каким же он может быть, а каким нет? Ясно, что ответ не может указывать ни на что ограниченное и особенное, просто потому, что сразу же возникнет следующий вопрос — а оно-то мне зачем? Но тогда я спрошу — а мыслимо ли хоть что-нибудь, на чем я мог бы остановиться, так, чтобы вопрос о более высокой иерархии ценностей уже не возникал, как бессмысленный? Мыслим ли тут разумный органичный *терминус*? И ответ, чисто логически, лишь один — да, и им может быть лишь тотальность блага или Единое Всеблагое начало. Ни на что меньшее, ни на какое частное благо тут согласиться нельзя уже потому, что сразу же возникнет вопрос, почему надо служить именно этой комбинации благ, а не иной. И тогда придется искать более высокий уровень. Выше же Единого Блага ничего нет по определению. Если же мне скажут, что Единое Благо — выдумка Платона, которой ничего не соответствует в действительности, то я пока отвечу, что тут либо-либо. Либо Единое Благо есть, и мое служение существенно — тогда смысл моей жизни возможен. Ну а если правы критики Платона, и Единое Благо — лишь фантазия создателя Академии, то смысла в моей жизни нет и быть не может.

Если же подумать еще, то становится ясно, что гипотеза о существовании Единого Блага и возможности моего служения ему, при всей своей смелости, все еще недостаточна. Мое служение должно иметь серьезный отклик на самом верху, попросту говоря — там меня должны любить и за меня переживать, радоваться моим успехам и горевать от моих провалов. Смысл жизни — слишком серьезная вещь, чтобы я упирался, шел на страдания и жертвы, не имея в ответ ничего, кроме может быть созерцания ровного света, который будет сиять при любых условиях, равно прекрасно при успехах моих и неудачах. Я могу идти на основательные усилия лишь ради тех, кто меня любит, кто надеется на меня, радуется со мной и горюет. Ровный свет вечной полноты Блага — это иное, тут недостает личного любящего начала. А коли так, то смысл моей жизни требует не только Единого Блага, но и иной божественной ипостаси, личного Бога, любящего меня Небесного Отца. Ясно также, что между Единым Благом и Небесным Отцом должна быть теснейшая связь: второй должен быть неким аспектом или эманацией первого. В противном случае, все мое априорное построение потеряет смысл.

Но и этого не достаточно. Важно еще, чтобы мое временное пребывание в этом мире имело характер миссии, чья загадочность ей органична. А если так, то мне следует полагаться на разумные гипотезы, надеясь на Отца, который в крайнем случае подскажет. Либо я полагаюсь на эту сложную теологическую гипотезу, пытаюсь угадать миссию и исполнить ее, либо соглашаюсь с бессмысленностью жизни, как с более вероятным заключением, и как-нибудь тяну свой срок.

Ладно, подвешивая пока решение, я хочу спросить: а что мне об этом мире, где я почему-то оказался, известно? Если не вдаваться в подробности, то мне известно, что этот мир устроен невыразимо умно. Любой предмет человеческого творчества — простецкая детская игрушка по сравнению со вселенной, с ее законами, жизнью и венчающим жизнь мышлением. [Вселенная убедительно указывает на стоящий за ней высший ум](#). Разумеется это не доказательство, что Создатель является любящим меня Небесным Отцом, но это делает мою гипотезу смысла более вероятной. Да и познаваемость законов физики не могла быть случайной; раз Создателем это было заложено, то значит, что ему по крайней мере есть дело до нашего познания Вселенной. Так, еще теплее.

Главным контраргументом является т.н. «проблема зла»: в мире слишком много страданий, чтобы можно было поверить в любящего и всемогущего Небесного Отца. Это возражение, однако же, снимается в два хода. Во-первых, мой комфорт совсем не обязательно является частью замысла Отца о моей миссии, в которую по каким-то необходимым причинам могут входить и страдания. Во-вторых же, смерть тела — не то же самое, что гибель души. Теология смысла может быть удержана, если допустить, что в общем случае душа не умирает с телом, но имеет достаточно долгую, возможно и бесконечную, историю для реализации своей миссии.

Хорошо, я на развилке: либо принять эту теологию смысла, поддержанную, хотя и не вполне доказанную, знанием о вселенной, либо отвергнуть ее как слишком сложную, невероятную и согласиться на бессмысленность. Прежде чем принимать решение, спрошу

себя: а все ли данные я учел? Отвечаю: нет, не все. Есть еще этический и политический блок, связанный с кантовским доказательством бытия Бога от «практического разума».

Кант задавался вопросом разумности морали — при каких метафизических допущениях разумно следовать потенциально неограниченным требованиям долга? — так ставился вопрос. Эту кантовскую проблему я неоднократно иллюстрировал примером судьи под давлением. При каких условиях для судьи было бы разумно выносить справедливый приговор, несмотря на неограниченные угрозы мафии, требующей приговора несправедливого? Судья предполагается человеком в меру совестливым и в принципе расположенным действовать честно. Но это в принципе, а если ему угрожают, и крепко, то вопрос и возникает — что же оно такое, этот ставший столь тяжелым долг?

Если долг — всего лишь какая-то эволюционная программа хомо сапиенсов, то почему я, судья, должен ей следовать, да еще и такой ценой? Да, ложный приговор обойдется мне неприятным покаянием совести, но ведь праведный приговор мне обойдется жизнью. На одной чаше весов — неприятные покаяния с недельку или месяц. А на другой чаше — пуля в лоб, если не хуже. Ну, тут и думать нечего — так рассудит нормальный здравомыслящий судья, не рвущийся покинуть этот мир, у которого хорошая зарплата, дом и семья. Нормальный судья решит, что жизнь дороже какой-то программы, что на его месте так поступил бы любой обычный человек — и требование мафии будет исполнено.

Но если дело с природой долга обстоит иначе, если долг — это важнейшее требование Небесного Отца, к которому судья, закончив свои дни в этом мире, попадет на разбор полетов, то дело обстоит иначе. Тогда долг объективно получает более высокий статус, чем жизнь, и разумный шаг — вынести справедливый приговор, несмотря ни на какие угрозы мафии.

Получается, что исполнение долга очень зависит от взглядов на природу морального закона и голоса совести. Если скажут, что найдутся такие люди, что будут выполнять предельные требования долга, даже считая их программой, спорить не буду, но замечу, что люди обычно не склонны к бессмысленному самопожертвованию, что такие герои бывают, но они редки.

Рассуждая примерно таким образом, Кант заключал, что условием разумного принятия потенциально неограниченных требований долга является вера в то, что эти требования исходят от Бога, который за них строго спросит, и от выполнения которых очень зависит наше посмертное бытие. По сути дела, получается, что та же теологическая конструкция, что я нашел необходимой для смысла жизни, необходима и для разумного принятия долга.

Добавлю, что Высшим Судьей в идеале должен быть даже не сам Небесный Отец, а тот, кто родился в этот мир и был одним из нас, кто на своей коже ощутил радости и боли человеческой жизни, явил высоту и силу человеколюбия, вместе с тем обладая божественной прозорливостью и мудростью, то есть тот, кто сразу и в полноте Сын Божий и Сын Человеческий. В идеале Высшим Судьей должен быть именно Он, воплотивший сильнейший ответ Небес Иову, ставший человеком Бог.

Могут сказать, что приведенное размышление ошибочно исключает возможность смысла жизни и оправдания долга земными ценностями: служением семье, народу, науке, прогрессу, справедливости, разуму, и т. д. А этим ценностям вполне могут служить и атеисты. Да, так нередко бывает, но такого рода служения нехороши сразу в нескольких отношениях. Во-первых, тут должен блокироваться подрывной вопрос, а почему я служу именно этим ценностям и сущностям, а не другим, и какой в том смысл, если когда-то время уничтожит всё? Во-вторых, еще при жизни я могу остаться у разбитого корыта: рухнувшей семьи или государства, гонящего или уничтожающего меня народа. В-третьих, абсолютизация любой частной ценности, сколь бы хороша она ни была, придает ей темную сторону. Абсолютизация семьи, государства, народа влечет несправедливость в отношении других семей, государств, народов. Абсолютизация науки порождает безумие сциентизма; абсолютизация разума влечет пренебрежение индивидуальным, уникальным, творческим и чудесным (вспомним в этой связи Паскаля, Кьеркегора, Шестова, Хайека, боровшихся с культом разума), и так далее.

Разумеется, я не хочу жить в «гоббсовском болоте», как я это называю — среди войны всех против всех, внутри свирепой тирании, или помеси того и другого, безжалостной войны кланов. Я хочу жить в моральном обществе, где люди доверяют друг другу, держат обязательства, где судьи справедливы, выборные лица и чиновники честны. Кроме того, я не хочу, чтобы люди страдали от бессмысленности жизни, впадая в депрессии, убивая себя обжорством, алкоголизмом, наркотиками и войнами. А это значит, что я хочу, чтобы люди приняли теологическую конструкцию, что необходима для разумного обоснования смысла жизни и морали, приняли хотя бы как рабочую гипотезу, стараясь жить по ней.

Это духовное основание важно, значение теологии для этики очевидно. Но раз так, то я и сам должен эту конструкцию принять. Речь не о том, чтобы заставить себя поверить в Бога — это невозможно. Но есть дилемма практической жизни, открытая Паскалем. Я могу жить так, как будто Бог есть, с доверием и благодарностью Ему и с ответственностью перед Ним. Для этого мне достаточно лишь рационально принять обозначенную теологию, как наиболее разумную рабочую гипотезу и следовать ей. Вера, эмоционально насыщенное переживание Присутствия, может когда-то прийти, а может и нет — но жить по этой рабочей гипотезе, ничему не противоречащей, согласной со всем известным о природе и истории, я могу уже сейчас, и для того у меня есть все основания. Альтернативный же вариант — жить так, как будто Бога нет, несмотря ни на что. Варианта только два, и выбор за мной.

Допустим, что теология верна — но в чем же тогда именно смысл жизни, смысл вселенной, к чему стоит стремиться? Каков тогда Замысел и почему нельзя было обойтись без страданий?

Если мы, в отличие от всего прочего, поистине дети Творца, то это определяет смысл не только нас, но и вселенной — как нашего дома. Этот «дом» тогда должен быть наилучшим из всех возможных домов. Наилучшим — значит в наивысшей степени содействующим нашему росту к всеблагому Отцу, то есть росту в благородстве, добродетели, мудрости, в творческих способностях. Дети, однако же, тем и отличаются от кукол, сколь угодно сложных, что сами в значительной степени являются своими творцами.

А значит, они должны иметь свободу ошибаться и находить пути исправления ошибок. Детей нельзя все время водить за руку — это никуда не годная воспитательная стратегия. Стало быть, детям придется оступаться и падать, расшибаться в кровь, и делать выводы самим. Духовный рост человека требует жизни, как опасного приключения, предельно опасного, на грани выживания — именно в таком случае творческие способности получают наивысшие шансы к развитию. Важнейший фактор развития — многомерная, явная и скрытая, богатейшая красота этого мира, зовущая к новым приключениям и открытиям. Кроме того, следует учесть, что дети, во всем полагающиеся на родителей, так и остаются инфантами. Чтобы этого не случилось, требуется определенная сокрытость Отца, должны быть основания для неуверенности, что Он вообще где-то есть и будет всякий раз помогать.

Но ведь наш мир именно таков.

Короткая справка. Подобную теодицею предлагал живший во втором веке св. Ириной Лионский, недавно признанный папой Франциском одним из Докторов Церкви; сходных взглядов придерживался и Ориген. Поэт Джон Китс предложил термин *soul-making theodicy*, теодицея творения души. В XX веке философ Джон Хик (John Hick) развивал «иринейскую теологию» в многократно переиздававшейся книге *Evil and the God of Love* (1966) и ряде ярких эссе. Парой десятилетий спустя к подобным идеям независимо и с несколько иной стороны пришел выдающийся физик [Фримен Дайсон](#).

Итак, подведем итоги. Проблема смысла жизни раскрывается как состоящая из двух связанных подсистем, универсально-теоретической и индивидуально-практической. Теоретическая часть критически устанавливает необходимые условия существования смысла жизни и формулирует его в общем виде. Практическая же требует постоянных личных усилий: решений новых задач, пересмотров ценностей, неустанной работы ума, совести, вкуса, пополнения знаний, коррекции представлений, соответствующих дел — то есть наполнения жизни новым смыслом.